M.A. Goncharova, V.N. Nikitin (Samara, Russland)

TRANSFORMATION DES DEUTSCHSPRACHIGEN BILDUNGSDISKURSES IN DER ZEIT DER DIGITALISIERUNG

Im Artikel werden relevante Veränderungen des Bildungsdiskurses in Zeiten der fortschreitenden Digitalisierung betrachtet. Die Veränderungen betreffen vor allem solche Begriffe wie Chronotopos, Authentizität und Lernkontrolle. Mit der Digitalisierung werden unter anderem die technischen und räumlichen Möglichkeiten des Lernens erweitert. Es entstehen neue Genres des Bildungsdiskurses.

Key words: *deutschsprachiger Diskurs, Bildungsdiskurs, Lerndiskurs, Digitalisierung, lebenslanges Lernen, Internet-Diskurs, Zoom-Meeting, Online-Vorlesung, Live-Sitzung, Blog, Posten, Internetforum.*

УДК811.11-112 (нем.)

Н.К. Данилова (Россия, Самара)

СТРАТИФИКАЦИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена проблеме взаимодействия двух уровней нарративного синтаксиса, горизонтального и вертикального, пространством функционального определения которого является повествовательный дискурс. Модусные рамки изложения, вводимые языковыми средствами различных уровней, общими для которых является их недескриптивная семантика, позволяют выявить и описать приемы синтезирования различных уровней повествования.

Ключевые слова*: нарративный синтаксис, модус, повествовательный дискурс, интеграция, немецкий язык.*

Одно из программных положений современного филологического анализа сформулировано Людвигом Витгенштейном (1889 – 1951), который ввел в научный обиход понятие «языковой игры», понимаемой как единство языка и действия, структура деятельности выступает при этом как система отношений, на основе которой мы понимаем, в частности, чужой язык [Витгенштейн]. Выделяя конститутивный характер правил языковой игры, Л. Витген-

штейн подчеркивает принадлежность правил самой игре и личности говорящего (единство языка и говорящего). Теория повествования отмечена длительной историей попыток сформулировать эти правила для литературной практики, увенчавшихся успехом (см. работы В.Я. Проппа. К. Бремона, А.-Ж. Греймаса, М.М. Бахтина, Ц. Тодорова, Р. Барта, Ю. Кристевой и др.)

Исследования нарративного синтаксиса развиваются в современной филологической парадигме по двум основным направлениям. Первое направление ставит своей целью изучение таких нарратологических параметров, как темпоральность, когерентность, причинно-следственные связи, мотивация [Bartsch 2014]. Второе направление изучает грамматические и стилистические особенности текстов, обеспечивающие генерацию смысла целого текста, задача этого направления получает точное и емкое описание благодаря формулировке этого процесса П. де Маном как превращения значения (Bedeutung) в смысл (Sinn) [Ман 1999: 21].

Развитие обоих научных направлений определило понимание нарратива в современной конверсационной парадигме как артефакта, порожденного коммуникацией. Изменение подходов имеет следствием трансформацию представлений о функциях базовых нарратологических параметров, ситуации, модуса и перспективы. Существенно меняется и интерпретация содержания нарратива, получающего определение уже не как ингерентное свойство текста, но как результат конструктивной активности читателя, проявляющейся в используемых им в процессе понимания ментальных операциях [Bartsch 2014].

В фокусе обоих исследовательских подходов находится процедура, смысл которой заключается на выборе для повествования о событиях определенных видов речевых действий. Изучение иллокутивных сил предикатов, используемых в повествовании, обнаруживает определенные предпочтения, свойственные повествовательному процессу, описанию которых посвящена настоящая статья.

Так, рассказ австрийского писателя Альфреда Гютерсло (1887-1973) «Pan und die Dame im Kaffeehaus» открывается воспроизведением сцены событий: Im Erdgeschoss eines großen Gebäudes an

einem der größten Plätze unserer Stadt befindet sich ein Kaffeehaus, ***das weißgekachelt ist wie ein Badezimmer***. Описание места событий включает оценку, представленную сравнением кофейни с ванной комнатой, которая вводит *рефлексивную перспективу* имплицитного повествователя, отражая тем самым субъективное видение референтной ситуации изложения.

Общая тональность повествования приобретает ироничный оттенок, проявляя комбинаторную (диалогическую) диаду повествования, создаваемую, согласно положениям теории субъекта Ю. Кристевой, субъектом высказывания-процесса и субъектом высказывания-результата [Кристева 2000]. Субъект высказывания-процесса, нарратор, занимает в исходной секвенции позицию дистанцирования по отношению к повествуемым событиям, получая тем самым максимальную степень свободы для управления процессом конституирования модели воображаемого мира.

Повествовательный дискурс (акт рассказывания) в рассказе А. Гютерсло принимает неожиданный оборот, меняя сценарий изложения, так как сравнение кофейни с ванной комнатой вводит дополнительную концептуальную схему (фрейм), что приводит к *удвоению* референтной ситуации. Событийная структура рассказа развивается по двум смысловым линиям, приводящим к комическому уподоблению признаков богатства, респектабельности, стерильности и новизны, ставящему под сомнение происхождение социального статуса посетителей кофейни. Ср.: *Dieser Umstand hat zur Folge, dass nur solche Leute es besuchen können, die sich gut gewaschen haben. Man sieht daher die* ***frischeste*** *Wäsche, die* ***besten*** *Kleider, die* ***neusten*** *Schuhe und Gesichter, die heute* ***zum ersten Mal*** *getragen werden. Man würde* ***das Noch-von-gestern-Stammen einer Hautfarbe*** *bemerken und ein Staubkörnchen unter dem Fingernagel.*

Неявная ирония сопровождает процедуру актуализации перспективы с доминирующей позицией субъекта высказывания-результата, о чем свидетельствует обобщенное наименование *деятеля «****Man*** *sieht», «****Man*** *würde <...> bemerken»*. Смена перспективы призвана воспроизвести атмосферу мещанской среды с определенной системой ценностей, в которой необходимо следовать принятым нормам, малейшее нарушение которых контроли-

руется и осуждается всем сообществом (*ein Staubkörnchen unter dem Fingernagel*).

Следующая секвенция вводит главное действующее лицо: *In diesem Kaffeehaus, an einem mittwärts aufgestellten, runden ebenfalls weißen Marmortischchen, saß eines sehr hellen Wintervormittags – es war Dezember, hätte auch März sein können, das Schneewasser tropfte freudig von den Dächern – eine junge Frau von etwa fünfundvierzig Jahren. Sie kam vom Coiffeur, von der Schneiderin und von den anderen gleich verjüngenden Besorgungen. Sie saß auf dem zarten und doch gusseisernen Stühlchen* ***wie die reine Gegenwart auf der Spitze des Augenblicks oder wie das gerade jetzt modische Hütchen auf einem Stabe im Schaufenster.***

Контрастное и внутренне противоречивое описание изображаемой персоны (*eine junge Frau von etwa fünfundvierzig Jahren*), сравнение облика этой молодящейся особы с персонифицированным воплощением настоящего момента и одновременно с модной шляпкой в витрине (*wie die reine Gegenwart auf der Spitze des Augenblicks oder wie das gerade jetzt modische Hütchen auf einem Stabe im Schaufenster*) актуализируют повествовательную перспективу субъекта высказывания-процесса со свойственной ей прогностической функцией, формирующей ожидания читателя. Автор рассказа использует тот же прием *умножения* референтных ситуаций (фреймов) с помощью сравнения, что позволяет создать комичный образ претенциозной и малообразованной особы.

Отметим далее: *Die Dame hatte zwei beinahe erwachsene Söhne und war ihnen eine gute Mutter. Sie war auch eine liebevolle Gattin.* ***Das gehört aber der Vergangenheit und somit nicht hierher.*** Доминирование в данной секвенции перспективы нарратора свидетельствует о выдвижении в фокус изложения повествовательного дискурса и акцентуации тем самым его властной воли, а акт рассказывания вводит краткую экспозицию, историю центрального персонажа, одновременно отрицая ее значимость для рассказываемых событий.

Тщательно выстраиваемая автором сцена и летально прорисованная фигура центрального персонажа полны изобразительной силы, а процесс повествования обретает тем временем новое на-

правление, выводя на сцену других участников событий. Ср.: *Was hierher gehört, dass nach wieder einer der friedlichen Pausen zwischen Kommen und Gehen eines Gastes – während welcher nur ein Zeitungsblatt raschelt oder ein Löffelchen klirrt – zwei Männer das Kaffeehaus betreten,* ***ein sehr großer blonder Mann von etwa dreißig Jahren*** *und* ***ein sehr kleiner blonder von etwa drei Jahren****. Nicht nebeneinander, sondern hintereinander. Wie Freunde, die vor einer Kneipe sich gesagt haben, da drinnen wollen wir einen haben.*

Нарочитая декоративность обстановки, внешности и манер дамы средних лет определяют развитие конфликта, вызванного естественным для его возраста поведением младшего из участников событий, с одной стороны, и интерпретацией событий, свойственной сознанию центрального персонажа. В сознании героини выстраивается воображаемая картина событий: ***Schweden!*** *Dachte die Dame. Doch nicht nur, weil die beiden* ***das bei uns schon ausgestorbene Germanische*** *noch in der* ***Unvermischtheit des ersten Schöpfungstages*** *verstrahlten, sondern auch, weil trotz des gewaltigen Unterschiedes der Jahre sie Kameraden waren.*

Существование в сознании стереотипов определяет ее восприятие весьма тривиального события. Испачканный малышом пол видится даме сквозь сформированные фантазией проекции: *Unsere Dame jedoch sah nur ein Beispiel von Rücksicht, wie sie noch keiner gesehen hatte und wie so bald wieder sie noch keines sehen wird. Denn* ***wann kommen schon Schweden*** *in unsere Stadt und bringen* ***die noch unverfälschte Natur*** *mit? Einen Stein, auf dem man schreiben kann, und eine Wiese, die man****, wie beschrieben****, bewässern darf? Und weil die Dame so stark vom Himmel der Landschaft, die sie gemalt hatte, strahlte, wurde dem älteren Kameraden die der Dame zurückgekehrte Wange sehr heiß.*

Повторное удвоение референтной ситуации (событие обыденной жизни и представление о шведах как обитателях природного мира), отражающее структуру мифологизированного сознания героини (о чем красноречиво свидетельствует заголовок рассказа), демонстрирует интеграцию повествовательного дискурса и плана истории. Горизонтальное развитие повествования позволяет переключиться в пределах одной секвенции с описания внутреннего

хода мыслей героини на представление ее внешнего облика: *weil die Dame so* ***stark*** *vom Himmel der Landschaft, die sie gemalt hatte****,*** ***strahlte****.*

В соотношении вертикальной и горизонтальной осей нарративного синтаксиса прослеживается тем самым чередование контраста и плотной интеграции обоих уровней в зависимости от избираемых автором рассказа стратегий конструирования фикционального мира. Общая модальность повествования определена парой базовых модальностей, предлагаемых концепцией Ю. Хабермаса: «Sein» – «Schein» и «Wesen» – «Entscheidung» [Habermas 1984: 103]. Одним из свидетельств авторского выбора становится использование констатива «***wie beschrieben»****,* выступающего в качестве своеобразного ключа к концептуальному плану повествования***.*** Выбранный автором рассказа способ рассуждения и речевые действия, соответствующие ему, придают моральный смысл описываемой жанровой сценке, демонстрируя состояние умов мещанской публики, сформированной мифологемами древней германской культуры, что приводит к деформации восприятия действительности.

Подводя итоги, можно утверждать, что изучение процедур стратификации повествовательного процесса, в котором прослеживается сложное взаимодействие горизонтальных и вертикальных уровней организации, демонстрирует разнообразие правил языковой игры в литературной (художественной) практике. Их изучение представляет несомненный интерес для филологической науки в связи с формирующимся пониманием коммуникативной значимости этой сферы общения.

Следование правилам литературной (художественной) языковой игры определено обращением к невидимому собеседнику: существование правил языкового поведения Л. Витгенштейн выводит из наличия «Другого». Изучение т.н. «грамматики языковой игры» (по Ю. Хабермасу) демонстрирует наличие различных *типов интеракции* в этой рефлексивной коммуникативной практике. Возможность выстраивания «поля понимания» для собеседников определяется разнообразием и гибкостью приемов *повествовательного синтаксиса*, необходимость детального исследования которого признается современной наукой о языке.

Библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. [Электронный ресурс]. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%BB%D1%8E% D0%B4_1.pdf (дата обращения 12.01.2021).

2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1993. No 4 // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С. 427-457. [Электронный ресурс]. URL:http://www.philology.ru/literature1/kristeva-00.htm (дата обращения 12.01.2021).

3. Ман П. де. Аллегории чтения. Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Пер. с англ. / Пер., примеч., послесл. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 368 с.

4. Bartsch Chr. Von sprachlichen Formen zu mentalen Räumen. DIEGESIS3.2 (2014). [Электронный ресурс]. URL: https://www.diegesis.uni-wuppertal.de/ index.php/diegesis/issue/view/7 (дата обращения 12.01.2021).

Источники

1. Gütersloh, Albert Paris. Pan und die Dame im Kaffeehaus. Jahrhundertchronik. Deutsche Erzählungen des 20. Jahrhunderts. Stuttgart: Philipp Reclam junior, 2000. S.111-114.

N.K. Danilova (Russland, Samara)

ZUR STRATIFIKATION DES ERZÄHLAKTES

Im Beitrag wird das Problem der Interaktion zweier Ebenen der narrativen Syntax, horizontalen und vertikalen, behandelt, deren funktionale Domäne der Erzählakt ist. Die Untersuchung des durch unterschiedliche sprachliche Mittel eingeführten modalen Rahmens und die Systematisierung seiner Modulationen ermöglicht es, die Synthese von verschiedenen Erzählebenen zu identifizieren und zu beschreiben.

Schlüsselwörter: *narrative Syntax, Modus, narrativer Diskurs, Integration, Deutsch.*